

УДК 008:165:101.1:316

МИФ И ОНТОЛОГИЯ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ставицкий Андрей Владимирович

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема методологии научного познания в свете исследований мифа как культурной универсалии. Цель статьи – показать, что получившие развитие в рамках постклассической науки современные научные подходы позволяют не только увидеть те особенности и условия, которые принципиально разделяют миф и науку, но и обнаружить и понять то, что их существенно сближает, превращая взаимодействие науки и мифа в рамках культуры как целого в продуктивный и взаимовыгодный процесс. По ходу в статье разбираются частные вопросы взаимодействия интуиции и логики, их роль в процессе познания, а также объясняется как полиморфизм языка с помощью мифа влияет на процесс познания.

Ключевые слова: миф, современный миф, методология науки, неклассическая наука, онтология мифа, неклассическая мифология, общая теория мифа

MYTH AND ONTOLOGY OF SCIENTIFIC METHODOLOGY: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

This article deals with the problem of methodology of scientific cognition in the light of research into myth as a cultural universal. The aim of the article is to show that modern scientific approaches developed within the framework of post-classical science allow us not only to see those features and conditions that fundamentally separate myth and science, but also to discover and understand what brings them significantly closer, turning the interaction between science and myth within the framework of culture as a whole into a productive and mutually beneficial process. Along the way, the article deals with specific issues of interaction between intuition and logic, their role in the process of cognition, and explains how the polymorphism of language through myth affects the process of cognition.

Key words: myth, modern myth, methodology of science, post-classical science

Введение (Introduction)

Основные эпистемологические принципы зародившейся в начале XX в. неклассической науки не только открыли новые перспективы для исследования мифа в его современной, максимально расширительной, неклассической форме, где под мифом понимается в образно-символической форме отражённая сознанием реальность, но и заложили методологические основы его новейших исследований, позволяющих переходить от утверждения построенной на универсальном подходе

к мифу неклассической мифологии к формированию общей теории мифа (ОТМ), предварительные предпосылки к которой уже созданы [Ставицкий 2021].

Литературный обзор (Literature Review)

В основу теоретических и методологических подходов для данной публикации были положены идеи и наработки наиболее интересных и выдающихся мыслителей XX в., включая Э. Гуссерля, А. Бергсона, Н.А. Бердяева, М. Хайдеггера, А. Эйнштейна, Э. Шредингера, Х.-Г. Гадамера, К. Хюбнера, Т.Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, П. Рикёра, М. Полани, В.В. Налимова и др., которые заложили онтологические основы неклассической науки, что в свою очередь позволяет иначе взглянуть на миф в его современном, неклассическом понимании, изменив подходы к нему и расширив поле мифологических исследований.

В процессе исследования автор исходил из идей исследователей мифа, чьи труды позволяют взглянуть на миф иначе с учётом новых требований и подходов. Среди них особо стоит выделить А.Ф. Лосева, Э. Кассирера, К.Г. Юнга, Р. Мея, Дж. Кэмпбелла, М. Элиаде, Р. Барта, К. Леви-Строса, Ю.М. Лотмана, Г.Д. Гачева и др., а также труды современных исследователей – участников ежегодной Международной междисциплинарной конференции «Миф в истории, политике, культуре» А.М. Буровского, О.А. Габриеляна, А.А. Гагаева, А.С. Глушака, А.Г. Иванова, С.А. Маленко, Н.И. Мартишиной, В.М. Найдыша, А.Г. Некиты, М.В. Пивоева, В.М. Полосина, А.С. Тимощука, Е.Л. Яковлевой и др. [Миф в истории политике, культуре 2020, 2021, 2023], чьи идеи, наработки, гипотезы легли в основу общей теории мифа.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

В науке исследователи по привычке делают ставку на рационализм. Но что делать, если в современной науке даже рационализм (Т. Кун [Кун 1977], И. Лакатос [Лакатос 1978], П. Фейерабенд [Фейерабенд 1986]) отрицает независимость чувственных и опытных данных от теорий и существование фактов вне теории, хотя на самом деле всё должно обстоять иначе? И что тогда рационализм рассматривает, если, по замечанию известного теоретика науки И. Лакатоса, в нем соотносятся не теории и факты, а две теоретические системы – испытываемая и интерпретационная [Лакатос 1978]?

Впрочем, любая теория есть большая или меньшая степень обобщения. Всякое обобщение представляет собой гипотезу. В основе гипотезы лежит предположение. Предположение строится на отталкиваемом от определённых фактов воображении [Перельман признался...]. Воображение невозможно без условностей и допущений, а также отказа от тех фактов, которые гипотезе не соответствуют, как внесистемных [Волошин]. По мере развития любой гипотезы количество внесистемных «фактов» имеет свойство увеличиваться, чтобы на какой-то стадии получить право на свою гипотезу и системность, опровергая предыдущую гипотезу в целом или в частностях, таким образом, уничтожая её, либо купируя и локализуя.

В свою очередь, позиция, что в науке нет «голых» фактов, так как между наблюдением показаний приборов и получением научного факта лежит длительная и сложная интеллектуальная работа по истолкованию экспериментальных данных, вовлекающая значительный теоретический материал, уже не является исключительной [Мамчур]. При этом типичная для исследователей попытка скрыть метод своих открытий показывает, что наука не всегда хочет раскрывать механизм познавательного процесса, скрывая за рациональностью лежащие в

основе открытия интуиции [Депперт 1996]. И не только потому, что прибегающие к этому исследователи нередко таким образом пытаются скрыть свой опыт заимствования и компиляции, как это было с А. Эйнштейном [Голдберг 1972]. Просто воспроизводство творческого поиска в достаточно конкретной форме наглядно показывает, что для открытия логика не требуется и не применяется [Интеллект, воображение... 2001]. Но именно с помощью логики исследователь будет показывать, как он добился результата совсем иным путем. Иначе его открытие не будет признано [Эйнштейн 2]. Ведь на пути нового всегда стоят старые знания. И у них есть преимущество: они уже господствуют над умами людей.

Не случайно, пытаясь разобраться в причинах отторжения нового, отдельные исследователи объясняют его давлением той информации, которую ученый усвоил ранее [Юревич 2005]. «Формы организованного знания, принятые в готовом виде, весьма жестко задают рамки и мышлению, и воображению человека, забывая имеющуюся практически у всех природную универсальность восприятия и оперирования образами. Врата человеческого восприятия как бы сужаются, настраиваются на специальные, привнесенные извне формы. Даже очень умные и проницательные люди оказываются совершенно неспособными сохранить чистоту и независимость восприятия. За навязанными образами знания они оказываются неспособными видеть другие, причем весьма, казалось бы, прозрачные аспекты доступного всем опыта. Человек как бы затачивается под привнесённые цивилизацией специальные формы деятельности и знания, программируется» [Афанасьев].

Преодолеть эти заложенные в человека «программы» чрезвычайно трудно. Особенно, если они поддерживаются властью привычки и замешаны на интересе. Трудно уже потому, что преодолевать надо не только старые знания и основанную на них методологию, но и человеческую косность. А в случае с последней аргументы могут оказаться бессильными уже в силу их непривычности. Тем более, что используемые ученым факты могут быть по-разному интерпретируемы [Сурская 1, 2]. И у исследователя всегда есть возможность и соблазн трактовать их с выгодой для себя. Более того, не со всеми из фактов удастся справиться. И обязательно при разработке той или иной теории найдутся данные, которые в неё не будут вписываться. В лучшем случае они попадут в разряд какого-нибудь «исключения», «допущения» или «парадокса», а в худшем их придется игнорировать и утаивать. Иначе говоря, от них нужно будет «абстрагироваться», используя принцип идеализации, при котором несущественными или внесистемными данными можно пренебречь [Хьюбнер 1994].

Следует сказать, что упомянутый выше принцип идеализации является одним из ключевых понятий и методов современной науки. Согласно ему, необходимо выделить существенное в чистом виде и отбросить то несущественное, которым можно пренебречь. Ведь, поскольку любая реальная система или явление состоит из большого (часто бесконечного) количества подсистем или менее значимых явлений, любая попытка описать их во всей совокупности заведомо нереальна [Юревич, Цапенко 1996].

Поэтому исследователи прибегают к методу идеализации, который с одной стороны уводит их от реальности, но с другой – позволяет приблизиться к реальности с точки зрения понимания её сущностных вещей. Однако насколько реальным будет такое идеализированное представление, сказать трудно, так как

разные исследователи могут основываться на разных основах и создавать разные модели того, что на основе своих взглядов представляют [Кирилова, Самарина]. И теории, созданные на основе таких моделей, будут разными. Естественно, в рамках каждой из них создавший её исследователь будет стремиться к снятию противоречий, сводя имеющиеся нестыковки к «допущениям» и «парадоксам» [Ионов, Петров]. Но за пределами теории скрывающиеся за ними противоречия будут противопоставлять теории друг другу вплоть до их полной несовместимости [Хван 2008].

Впрочем, все эти аспекты научной методологии мы разбираем лишь для того, чтобы показать, насколько непрочными и относительными являются любые теории, как бы хорошо они ни были обоснованы. Но поскольку за ними всегда стоят люди со своими взглядами, интересами, связями, то не удивительно, что для утверждения и защиты своих идей они будут использовать всё, что у них есть. В том числе и описывающие их идеи мифологии [Холлоуэй], которые оказались весьма органично вписаны в установки постклассической науки [Тычкин 2009; Тычкин 2010].

В результате методология логического позитивизма оказалась поставленной под сомнение и уличенной в ограниченности. Но и альтернативные ей методологические концепции не в состоянии решить стоящих проблем. Возможно, потому что в науке нет принципов или методологических норм, которые в тех или иных сферах не подвергались бы сомнению [Миф в истории... 2020]. По мнению С.В. Месяца, «история показывает, что ученые часто действовали и вынуждены были действовать в прямом противоречии с существующими методологическими правилами. Отсюда следует, что вместо существующих и признанных методологических правил мы можем принять прямо противоположные им. Но и первые и вторые не будут универсальными. Поэтому философия науки вообще не должна стремиться к установлению каких-то правил научной игры» [Месяц 2000]. Естественно, речь идёт о правилах, носящих всеобщий и абсолютный характер. А это значит, что признание методологического плюрализма неизбежно [Хайек 2003; Фейерабенд 1986].

При этом частная проблема включенного в процесс исследования исследователя перерастает в проблему всей современной науки, как субъекта познания, вновь и вновь задаваясь вопросом: насколько наука готова понять то, что исследует? Располагает ли необходимым для этого инструментарием? А если не располагает, то каким образом из создавшегося положения выходит? К чему стремится в процессе познания наука: к истине или к максимально возможному на данном этапе обоснованию? И как бы на эти вопросы ученые ни отвечали, по крайней мере, в данном случае ясно одно: в мире есть процессы и явления, которые наука в современных условиях и с имеющимися у неё возможностями объяснить не может. И все они, так или иначе, не только строятся на мифологии, но только через миф и могут быть объяснены [Порус; Мартишина 2022].

И хотя, «безнадежно затевать дискуссию о справедливости принципиальных суждений» [Эйнштейн 1], когда в связи с накоплением критической массы новых данных возникает проблема смены научного мировоззрения, ученые в первую очередь разбирают «принципиальные суждения» на предмет их фактической и логической достоверности, под которой подразумевается соответствие устоявшихся суждений полученным новым данным. В связи с этим можно считать, что «Эйнштейн совершил прежде всего философский прорыв в область

неведомого» [Кедров 1]. Только насколько был «ведомым» тот мир, из которого А. Эйнштейн «совершил» свой «прорыв в область неведомого»? Ведь, судя по тому, что от него решили отказаться, он сам оказался не таким, каким его представляли, когда принимали за истинный. А если это так, не является ли образ «прорыва» тоже метафорой, задача которой не объяснить происшедшее, а скрыть другой образ – образ, вскрывающий имитацию, согласно которого, наука идет от одного незнания к другому – от неведомого к неведомому через неведомое, пользуясь в качестве достоверных лишь частными и локальными данными?

Да и может ли быть иначе там, где приходится иметь дело с бесконечностью? Бесконечностью во всем – от «пространства-времени» до смысловых игр в рамках локального? Не случайно А. Эйнштейн писал: «Предсказуемость и точность научного познания – результат упрощения и обеднения картины мира» [Кедров 1]. Но можно ли их избежать там, где надо показать бесконечность? Ведь мир во всей его максимально сложной полноте и цельности наука отразить не в состоянии. Значит, научное познание всегда будет в этих вопросах ограничено сферой локального, логически оперируя данными в границах привычного. Но где пребывает это привычное, как островок знания? Не в хаосе ли [Пригожин, Стенгерс 2008]? И не в хаос ли устремлено наше познание? Не хаос ли порождает оно, расшатывая старые представления за счет нового? Так наш мир через познание строится на песке и размывается. Размывается, но строится. И не будет он подвергнут информационной и смысловой энтропии до тех пор, пока познание продолжается.

Впрочем, проблема не только в этом, но и в осмыслении механизма всеобщей причинности. «Физика объясняет, как устроен мир, но никогда не может объяснить, почему он именно так устроен» [Кедров 1], – подчёркивал в одной из своих работ К. Кедров. Но в каком случае она честнее? Там, где признается, что не знает ни причин возникновения этого мира, ни его исходной мотивации, или тогда, когда пытается выдать очередную порцию взглядов, отвечающих лишь принципам относительного и условного правдоподобия, за истинное положение вещей? Естественно, что этот вопрос – риторический. И потому не удивительно, что «в физике на уровне микромира понятие "реальность" становится расплывчатым и неопределенным, подчас сливаясь с понятием "вероятность"» [Кедров 1]. Наверное, если бы человек встретился с этой неизвестной ему бесконечностью, или она бы разом открылась ему во всей своей полноте и целостности, он бы сошел с ума. Но осмысленное понимание и логическое обоснование привычного спасает его от этого, позволяя быть конкретным, логичным и точным там, где по принципу «бритвы Оккама» большего и не требуется.

Но, так или иначе, при всем несовершенстве логики и мышления они достаточно совершенны, чтобы открывать истину, что само по себе А. Эйнштейн называл чудом [Кедров 1]. Почему? Тем более, что, по мнению профессора П.А. Жилина, «наука исследует не Реальность саму по себе, а некие упрощенные модели Реальности. Приближение к истинной Реальности осуществляется путем расширения модели. Однако, чтобы построить модель, нам, как минимум, необходимо знать, что мы собственно собираемся моделировать. Иными словами, мы должны иметь априорное представление о Реальности. Получается заколдованный круг: чтобы познать Реальность необходима Наука, а чтобы создать Науку необходимо знание Реальности» [Жилин]. Знание Реальности основано на логике. И логика не позволяет этот круг разорвать.

«Путем чисто логической дедукции можно было бы вывести картину, т. е. теорию всех явлений природы, включая жизнь, если этот процесс дедукции не выходил бы далеко за пределы творческих возможностей человеческого мышления» [Кедров 1], – считал А. Эйнштейн. Одним словом, не выходил бы за пределы привычного. Но процесс познания организован несколько иначе. А это значит, что в нем есть нечто, позволяющее познанию не ходить бесконечно по кругу, а вырываться за границы познанного, каждый раз расширяя его настолько, насколько человек способен. И тем исследователям, которые в разное время сумели сделать это, как правило, ответ был известен.

«Нет действия в природе без причины; постигни причину, и тебе не нужен опыт», – полагал Леонардо да Винчи, зная, насколько привычное мешает нам двигаться вперед. И мы видим, как открывшие и обосновавшие вопрос причинности применительно к глобальным процессам учёные отказывались от опыта там, где он начинал им мешать. Но что мешало исследователям подняться над опытом, если он не выходил за рамки привычного? «Между опытом и теорией пролегает ничейная земля интуиции», – любил повторять по этому поводу А. Эйнштейн, напоминая, что «высшим долгом физиков является поиск общих элементарных законов. К этим законам ведет не логический путь, а только основанная на проникновении в суть опыта интуиция» [Кедров 1].

В этом смысле, по мнению Анри Пуанкаре, «с точки зрения чистого интеллекта наука есть ничто иное, как набор условных соглашений и не более того» [Жилин]. Естественно, в данном случае под интеллектом в целом подразумевается способность к логическим суждениям. А под интуицией – «способность человека к прямому восприятию окружающего нас мира, которая отнюдь не сводится к пяти основным органам чувств» [Жилин].

Впрочем, исследуя вклад А. Пуанкаре в анализ процесса научного познания, П.А. Жилин писал: «Как и большинство современных ученых, А. Пуанкаре явно недооценил принципиальную неустранимость интуиции из основ любой рациональной науки, включая математику. Это тем более удивительно, что А. Пуанкаре обладал глубочайшим интуитивным умом, и он даже мягко критиковал Д. Гильберта за его стремление изгнать интуицию из математики» [Жилин].

Чем же отталкивала интуиция ученых? Чем настораживала? Своей, роднящей её с мифом непознаваемостью. Но, несмотря на это, у стремящихся к дальнейшему развитию науки исследователей выбора нет, потому что «никакое истинное развитие науки невозможно без непосредственного участия интуиции, а свободно изобретенных идей и понятий не существует в природе» [Жилин]. Значит, вывод однозначен: для того, чтобы познание продолжалось, логика должна быть дополнена интуицией [Панов 1992]. Причем, не только на уровне открытия, но и на стадии моделирования. Ведь «именно интуитивный метод лежит в основе составления научных моделей. Чисто интеллектуальный подход может создавать видимость научных открытий, но по существу он бесплоден» [Жилин]. Однако, именно на интеллект и логику ссылается большинство ученых, когда говорят о познании, оставляя проблему открытой. И, поскольку интуиция не поддается законам логики, требуя от ученого использовать весь свой потенциал разом, не исключено, что имеющие место противоречия между логическим и интуитивным мышлением будут разрешены на уровне не физики, а метафизики и мифологии [Миф в истории... 2021; Миф в истории... 2023]. В опыте экзистенции и, быть

может, ошеломительных метафор в духе К. Кедрова: «Человек – это изнанка неба, / Небо – это изнанка Человека» [Кедров 2].

Хотя, безусловно, подобные аналогии приведут к новым метафорам и логическим неясностям, и будут множить вызванные мифотворчеством игры смыслов, которым не видно конца [Идлис 1985]. Возможно, кого-то они смущают. Кому-то не дают почивать на лаврах. От кого-то требуют умственных усилий и духовного напряжения. Но не будь их, наука не развивалась бы, ограничившись своей монополией над той зоной привычного, которую можно контролировать с помощью ряда мировоззренческих договоренностей, позволяющих определиться, какую точку зрения на тот или иной вопрос считать логичной и единственно правильной [Князева, Курдюмов 1994].

Впрочем, в данном случае есть еще один вопрос, который мы практически не затрагивали. И он касается выдвинутой Э. Геллнером идеи полиморфизма языка [Геллнер 1962]. Согласно ей, речь идет не только о многозначности слов, но и об общей нерегулярности языка, в свете которой миф предстает как невозможная очевидность в духе графики Мориса Эшера, представляясь нам погруженным в смысловое поле собранием неоспоримых абсурдов, недоказуемых ошибок и неопровержимых парадоксов [Ионов, Петров]. В нем каждый миф функционирует за счет полиморфизма смысла и языка, где последний выступает как основа и механизм смысловой многозначности, которая делает миф для логики неуловимой, ставя символически означенный образ впереди подобранного для него слова [Ставицкий 2012].

Кроме того, проблема анализа взаимоотношения мифа и логики вскрывает еще один важный аспект, без учета которого трудно понять, какими возможностями располагает наука в процессе исследования мифа. И этот вопрос затрагивает даже математику [Клайн 1984]. В частности, выдающийся математик К. Гёдель средствами математической логики показал, что ничего нельзя доказать, поскольку любая система логических суждений является либо противоречивой, либо неполной [Успенский 1982]. В математике данное обоснование известно как теорема Гёделя о неполноте. И как следствие – никакая система логических утверждений не может быть непротиворечива и полна одновременно.

В контексте философского осмысления теоремы К. Гёделя о неполноте главный вывод будет в том, что непротиворечивое является неполным и, значит, мышление человека богаче его дедуктивной формы. Естественно, тоже самое можно сказать о мифе и языке. Что же в свете этого могут по отношению к мифу те исследователи, которые не способны ни опровергнуть его, ни что-либо конкретное и логически выверенное в отношении его доказать? А с учётом того, что в данном вопросе как в зеркале отражается мировоззренческий кризис не только позитивизма, но и сложившейся со времён Р. Декарта и И. Ньютона науки, складывается впечатление, что вся связанная с мировоззрением научная теория погружается в миф, как Атлантида в океан [Ильянович 2022].

В связи с этим весьма примечательно почти лирическое отступление М. Кордонского: «Вся Декартовская наука, вся эпоха Просвещения зиждилась на том, что все сущее можно доказать, а чего доказать нельзя - того, значит, и не существует. Прекрасная эпоха, несколько веков она плодоносила, как яблоня Ньютона, как фи́га Адама, даря людям джем и инжир, лекарства от головной боли, облегчение родов и прочие съедобные, лечебные и комфортные продукты цивилизации. Но все живое когда-нибудь стареет, дряхлеет и... Это, нет, не

теорема, а всего лишь эмпирическое наблюдение. И великое древо Декарта не стало исключением» [Кордонский]. Естественно, смерть науки в данном случае, говоря словами Марка Твена, несколько преувеличена, но то, что в ближайшие десятилетия ей придётся существенно преобразиться, несомненно. И кто знает: возможно, миф сыграет в этом преобразении немалую, если не решающую роль [Гуревич 1997].

В этом смысле, возможно, мы имеем дело с любопытным парадоксом, когда отрицаемый наукой миф позволяет преодолеть то «разнотемье наук» (М. Кордонский) [Кордонский], которое сложилось в результате их многовековой специализации, устанавливая неизбежный и единственно возможный для науки в нынешних условиях принцип единства множеств [Вайнберг 2008].

Следовательно, полиморфизм обеспечивает потенциальные возможности создаваемых смыслов, где их избыточность в рамках даже самой простой фразы выступает как условие творческого мышления и гарантия неизбежности мифотворчества [Арутюнова 1999]. Более того, по аналогии с парадоксом лжеца, когда какое-либо утверждение является одновременно и истинным, и ложным [Смоленов 1980], полиморфизм делает мифологическое состояние изначально несопоставимым с формальной логикой.

С другой стороны, благодаря полиморфизму языка нестрогость логики при внешнем сохранении видимости дедуктивной строгости не только допускается, но и гарантируется, позволяя вводить в нашу систему суждений ту рассогласованность, без которой она была бы неполна, а значит, и не развивалась [Бирюкова 1995].

В связи с этим понятен и поставленный В.В. Налимовым вопрос: почему логическая форма коммуникации не подавляет каких-то, может быть, и не понятых нами, но, несомненно, значительно более богатых форм мышления человека [Налимов], напоминая, что, свой постигая вопрос, мы обретаем ответ? И каким он будет, во многом зависит от того, удастся ли ученым внести коррективы в традиционное отношение к мифу, где он рассматривается не как универсалия культуры [Миф в истории...2018], а как банальный синоним лжи и обмана.

Заключение (Conclusions)

1) Как видим, между наукой и мифом оказалось значительно больше общего, чем ранее в науке считалось. И не потому, что миф стал научнее, но потому, что наука оказалась тоньше и человечнее, чем полагали ранее, умело скрывая свои недостатки и слабости за классическими принципами объективности и логичности, излишне идеализируя их. При этом, наука использует миф для своего развития, черпая из него свои интуиции и сбрасывая в миф всё то, что себя исчерпало, чем лишь подтверждает, что в рамках культуры наука и миф пребывают в крайне плодотворном для человека и общества диалектическом единстве.

2) Будучи принципиально иным для науки явлением, миф меж тем науку пронизывает и переполняет уже в силу человеческого фактора, помогая ей развиваться, преодолевая господствующие шаблоны и предрассудки с помощью новых «безумных» идей и «еретических» гипотез, которые со временем сами станут предрассудками и шаблонами на пути нового. Особенно это заметно там, где учёные пытаются распространять открытые ими законы при познании частного на весь окружающий мир, домысливая локальное, условное, относительное до всеобщего в силу самой природы познания, забыв, что имеют дело со знанием, о котором мы даже не знаем, что оно есть.

3) Подобное отношение к миру лишь подтверждает сентенцию, что мы находимся в мифе, а миф пребывает в нас уже в силу нашего воспитания. И единственно, что нам под силу – это расстаться с теми мифами, которые изжили себя, чтобы заменить их на новые. Впрочем, эти нюансы не делают науку хуже, чем она есть, но лишь вскрывают тот факт, что отделение Логоса от Мифа оказалось сильно преувеличенным, несмотря на то, что внутренняя логичность мифа не имеет ничего общего с классической и математической логикой. Но это не есть минус. Наоборот, используя проявляющееся в интуиции и построенное на контекстах образно-символическое или мифологическое мышление, которое оказывается для мира и общества чем-то революционным, человек оказывается способен на такие прорывы и свершения, до которых ему никогда не подняться, если бы он не выходил за пределы общепринятой рациональности. И в этом проявляется не слабость, но его интеллектуальная сила.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Афанасьев Ю.Н. Через формы к смыслам. Информационное представление познавательного потенциала христианства. Диалоги физика и религиоведа: С.Г. Шеховцов, А.В. Юдин. URL: <http://www.yuri-afanasiev.ru/forms/hristian.html> (дата обращения: 09.04.2019).

Бирюкова А.С. Миф, диалог и сравнение как доминанты образного мышления Велимира Хлебникова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Москва, 1995. 16 с.

Вайнберг С. Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. Пер. с англ. Изд.2. Москва, 2008. 256 с.

Волошин Е.В. К вопросу об использовании концептуальных схем в целях организации дискурса. URL: <http://www.philosophy.ru/library/goodman/voloshin.htm> (дата обращения: 09.04.2019).

Геллнер Э. Слова и вещи. Москва: Иностр. литература, 1962. 344 с.

Голдберг С. Молчание Пуанкаре и теория относительности Эйнштейна // Эйнштейновский сборник, 1972. Москва: Наука, 1974. С. 341–358.

Гуревич П.С. Философская антропология. М.: Вестник, 1997. 475 с.

Денперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Научные и вненаучные формы мышления. Москва, 1996. С. 279–298.

Жилин П.А. Реальность и Наука: два метода познания. URL: http://www.teormeh.net/Zhilin_New/PARReal.htm (дата обращения: 09.04.2019).

Идлис Г.М. Революции в астрономии, физике и космологии. Москва: Наука, 1985. 232 с.

Ильянович Е.Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 89–100.

Интеллект, воображение, интуиция: мифологический и художественный опыт / Рос. ин-т культурологии, С.-Петерб. отд-ние и др.; Гл. ред. Л. Морева. Санкт-Петербург, 2001. 379 с.

Ионов А.С., Петров Г.А. Парадокс лжеца и теория истины в комплексной логике. URL: http://314159.ru/ionov_petrov/ionov_petrov2.htm (дата обращения: 09.04.2019).

Кедров К.А. Эйнштейн без формул. URL: <http://www.stihi.ru/2009/10/08/180> (дата обращения: 09.04.2019).

Кедров К. Параллельные миры. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/kedrov/4.shtml> (дата обращения: 09.04.2019).

Кириллова Р.М., Самарина Е.А. Онтологические и гносеологические основания мифа в контексте современного гуманитарного знания. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-i-gnoseologicheskie-osnovaniya-mifa-v-kontekste-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (дата обращения: 09.04.2019).

Клайн М. Математика. Утрата определённости. Москва: Мир, 1984. 446 с.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. 1994. №2. С. 110–122.

Кордонский М. Конец истины. URL: http://old.russ.ru/krug/kniga/20021003_mk-pr.html (дата обращения: 09.04.2019).

Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. Общая ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. Москва: Прогресс, 1977. 300 с.

Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. Москва: Изд-во Прогресс, 1978. С. 203–235.

Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм: (К дискуссиям в современной эпистемологии). URL: <http://iph.ras.ru/page50904290.htm> (дата обращения: 09.04.2019).

Мартишина Н.И. Мифологизация как способ познавательного освоения объекта // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 40–55.

Месяц С.В. Современная физика – правдоподобный миф? // Границы науки. Москва, 2000. С. 140–147.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 658 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с.

Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов VI Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2022 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. 574 с.

Налимов В.В. Вероятностная модель языка. URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_980.htm (дата обращения: 09.04.2019).

Панов В.Г. Эмоции. Мифы. Разум. Москва: Высшая школа, 1992. 252 с.

Перельман признался, что умеет управлять Вселенной. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (дата обращения: 09.04.2019).

Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этики. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruspaper/PORUS1.htm> (дата обращения: 09.04.2019).

Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/POPPER.HTM1> (дата обращения: 09.04.2019).

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. Пер. с англ. Изд.6-е. Москва: Либроком, 2008. 296 с.

Смоленов Х. О парадоксе «лжец» и о семантически замкнутых системах // Философские науки. 1980. № 5. С. 126–131.

Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 544 с.

Ставицкий А.В. Эпистемологические подходы неклассической науки и общая теория мифа // Философская мысль. 2021. № 12. С. 33–42. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.12.36503 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36503 (дата обращения: 09.10.2022).

Сурская М. Главный миф о превосходстве женщины развенчан. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0333> (дата обращения: 09.04.2018).

Сурская М. Мужской ум короче женского. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0334> (дата обращения: 09.04.2018).

Тычкин П.Б. Логика мифа в концепции К. Хюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 157–161

Тычкин П.Б. Методологические аспекты конституирования мифа как элемента постнеклассической научной рациональности // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 107–109

Успенский В.А. Теорема Гёделя о неполноте. Москва: Наука, 1982. 110 с.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. Москва: Прогресс, 1986. 543 с.

Хайек Ф.А. фон Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. Пер. с англ. Е. Николаенко. Москва: ОГИ, 2003. 288 с.

Хван М.П. Неистовая Вселенная: От Большого взрыва до ускоренного расширения, от кварков до суперструн. Изд.2-е, испр. Москва: Либроком, 2008. 408 с.

Холлоуэй М. Мы верим в науку. URL: <http://www.sciam.ru/2003/4/redaction.shtml> (дата обращения: 09.04.2018).

Хюбнер К. Критика научного разума. Пер. с нем. Москва, 1994. 326 с.

Эйнштейн А. Свобода и наука. URL: http://rusnauka.narod.ru/lib/einstein_a/free_nauk.htm (дата обращения: 09.04.2018).

Эйнштейн А. Физика и реальность. URL: http://alexandr4784.narod.ru/ei_47.htm (дата обращения: 09.04.2018).

Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26, №1. С. 79–87.

Юревич А.В. Цапенко И.П. Мифы о науке // Вопросы философии, 1996. № 9. С. 59–68.

References

Arutyunova N.D. Language and the Human World. Moscow: Languages of Russian Culture Publ., 1999. 896 p. (In Russian).

Afanasyev Y.N. Through Forms to Senses. Informational Representation of Cognitive Potential of Christianity. Dialogues of Physicist and Religious Scholar: S.G. Shekhovtsov, A.V. Yudin. URL: <http://www.yuri-afanasiev.ru/forms/hristian.html> (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Biryukova A.S. Myth, Dialogue and Comparison as Dominants of Velimir Khlebnikov's Figurative Thinking: Author's Thesis. ... cand. philol. nauk / Mosk. ped. gos. un. named after V.I. Lenin. Moscow, 1995. 16 p. (In Russian).

Weinberg S. Dreams of the Final Theory: Physics in Search of the Most Fundamental Laws of Nature. Per. s angl. Izd.2. Moscow, 2008. 256 p. (In Russian).

Voloshin E.V. On the Use of Conceptual Schemes for the Purpose of Discourse Organisation. URL: <http://www.philosophy.ru/library/goodman/voloshin.htm> (date of address: 09.04.2019). (In Russian).

Gellner E. Words and Things. Moscow: Inostr. Literature Publ., 1962. 344 p. (In Russian).

Goldberg S. Poincaré's Silence and Einstein's Theory of Relativity // Einstein's Collection, 1972. Pp. 341–358. (In Russian).

Gurevich P.S. Philosophical Anthropology. Moscow: Vestnik Publ., 1997. 475 p. (In Russian).

Deppert V. Mythical Forms of Thinking in Science on the Example of Concepts of Space, Time and Law of Nature // Scientific and Extra-scientific Forms of Thinking. Moscow, 1996. Pp. 279–298. (In Russian).

Zhilin P.A. Reality and Science: Two Methods of Cognition. URL: http://www.teormeh.net/Zhilin_New/PARReal.htm (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Idlis G.M. Revolutions in Astronomy, Physics and Cosmology. Moscow: Nauka Publ., 1985. 232 p. (In Russian).

Ilyanovich E.B. Myth and Science as cognitive systems: modern relations // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 89–100. (In Russian).

Intellect, Imagination, Intuition: Mythological and Artistic Experience / Ros. inst. of culturology, S.-Peterb. otd. et al.; Chief ed. L. Moreva. St. Petersburg, 2001. 379 p. (In Russian).

Ionov A.S., Petrov G.A. The Liar's Paradox and the Theory of Truth in Complex Logic. URL: http://314159.ru/ionov_petrov/ionov_petrov2.htm (accessed 09.04.2019). (In Russian).

Kedrov K.A. Einstein without Formulas. URL: <http://www.stihi.ru/2009/10/08/180> (date of address: 09.04.2019). (In Russian).

Kedrov K. Parallel Worlds. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/kedrov/4.shtml> (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Kirillova R.M., Samarina E.A. Ontological and Gnoseological Bases of Myth in the Context of Modern Humanitarian Knowledge. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskie-i-gnoseologicheskie-osnovaniya-mifa-v-kontekste-sovremennogo-gumanitarnogo-znaniya> (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Kline M. Mathematics. The Loss of Definiteness. Moscow: Mir Publ., 1984. 446 p. (In Russian).

Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Intuition as Self-building // *Voprosy filosofii*. 1994. №2. Pp. 110–122. (In Russian).

Kordonsky M. The End of Truth. URL: http://old.russ.ru/krug/kniga/20021003_mk-pr.html (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions / Translated from English by I.Z. Naletov. General ed. and afterword by S.R. Mikulinsky and L.A. Markova. Moscow: Progress Publ., 1977. 300 p.

Lakatos I. History of Science and its Rational Reconstructions // *Structure and Development of Science. From Boston Studies in Philosophy of Science*. Moscow: Progress Publ., 1978. Pp. 203–235. (In Russian).

Mamchur E.A. Objectivity of Science and Relativism: (To Discussions in Modern Epistemology). URL: <http://iph.ras.ru/page50904290.htm> (accessed: 09.04.2019).

Martishina N.I. Mythologisation as a Way of Cognitive Mastering of the Object // *Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology*. no 1. 2022. Pp. 40–55. (In Russian).

Mesyats S.V. Modern Physics – a Plausible Myth? // *Frontiers of Science*. Moscow, 2000. Pp. 140–147. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Collection of Materials IV International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2020, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2020. 658 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the V International Scientific Interdisciplinary Conference. V International Scientific Interdisciplinary Conference (June 2021, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2021. 576 p. (In Russian).

Myth in History, Politics, Culture [Electronic resource]: Proceedings of the VI International Scientific Interdisciplinary Conference. VI International scientific interdisciplinary conference (June 2022, Sevastopol) / Edited by A.V. Stavitskiy. Sevastopol: Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, 2023. 574 p. (In Russian).

Nalimov V.V. Probabilistic Model of Language. URL: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_980.htm (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Panov V.G. Emotions. Myths. Raison. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1992. 252 c.

Perelman Admitted that he knows how to Manage the Universe. URL: <http://www.vz.ru/news/2011/4/28/487382.html> (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Porus V.N. Paradoxes of Scientific Rationality and Ethics. URL: <http://ru.philosophy.kiev.ua/iphras/library/ruspaper/PORUS1.htm> (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Popper K.R. Logic and the Growth of Scientific Knowledge. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/POPPER.HTML> (accessed: 09.04.2019). (In Russian).

Prigozhin I., Stengers I. Order out of Chaos: A New Dialogue between Man and Nature. Per. s Engl. Izd.6-e. Moscow: Librocom Publ., 2008. 296 p. (In Russian).

Smolenov H. On the Paradox "liar" and on Semantically Closed Systems // Philosophical Sciences. 1980. № 5. Pp. 126–131. (In Russian).

Stavitsky A.V. Ontology of Modern Myth. Sevastopol: Ribest Publ., 2012. 544 p.

Stavitsky A.V. Epistemological Approaches of Non-classical Science and the General Theory of Myth // Philosophical Thought. 2021. № 12. Pp. 33–42. DOI: 10.25136/2409-8728.2021.12.36503 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36503 (date of address: 09.10.2022).

Surskaya M. The Main Myth about the Superiority of Women Debunked. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0333> (accessed: 09.04.2018). (In Russian).

Surskaya M. Men's Mind is Shorter than Women's. URL: <http://lenty.ru/gobest.html?http://lenty.ru/cgi-bin/gop.cgi?http://www.utro.ru/articles/2010/09/14/922083.shtml@0334> (accessed: 09.04.2018). (In Russian).

Tychkin P.B. Logic of Myth in the Concept of K. Hübner as an Epistemological Model of the Evolution of Postneoclassical Scientific Methodology // Izvestia Tomsk Polytechnic University. 2010. T. 317. № 6. Pp. 157–161. (In Russian).

Tychkin P.B. Methodological aspects of myth constitution as an element of postneoclassical scientific rationality // Izvestia Tomsk Polytechnic University. 2009. T. 315. № 6. Pp. 107–109. (In Russian).

Uspenskiy V.A. Gödel's theorem of incompleteness. Moscow: Nauka, 1982. 110 c.

Feyerabend P. Selected Works on Methodology of Science. Moscow: Progress, 1986. 543 p. (In Russian).

Hayek F.A. von Counterrevolution of Science. Etudes on the Abuse of Reason. Per. from Engl. E. Nikolaenko. Moscow: OGI Publ., 2003. 288 p. (In Russian).

Khvan M.P. The Universe: From the Big Bang to Accelerated Expansion, from Quarks to Superstrings. Izd.2-ye, izpr. Moscow: Librocom, 2008. 408 c.

Holloway M. We Believe in Science. URL: <http://www.sciam.ru/2003/4/redaction.shtml> (accessed: 09.04.2018). (In Russian).

Hübner K. Critique of Scientific Reason. Per. s нем. Moscow, 1994. 326 p. (In Russian).

Einstein A. Freedom and Science. URL: http://rusnauka.narod.ru/lib/einstein_a/free_nauk.htm (date of address: 09.04.2018).

Einstein A. Physics and Reality. URL: http://alexandr4784.narod.ru/ei_47.htm (accessed: 09.04.2018). (In Russian).

Yurevich A.V. Nauka i paranauka: collision on the "territory" of psychology // Psychological Journal. 2005. T. 26, №1. Pp. 79–87. (In Russian).

Yurevich A.V., Tsapenko I.P. Myths about science // Questions of Philosophy, 1996. № 9. Pp. 59–68. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitsky Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and International Relations, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Миф и онтология научной методологии: гносеологический аспект // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1(5). 2023. С. 69–83.

For citation:

Stavitsky A.V. Myth and Ontology of Scientific Methodology: the Epistemological Aspect // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1(5). 2023. Pp. 69–83.